

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА МОНГОЛЬСКИЙ ФАКТОР В РУССКОЙ ИСТОРИИ

При слове Монголия у русского человека перед глазами рисуется двоякий образ: то ли дикий кочевой варвар, готовый, по выражению А. Блока, «в церковь гнать табун и мясо белых братьев жарить»; то ли, совсем наоборот, – мужественный воин и человек чести, умеющий стойко переносить жизненные трудности и способный служить высшему предназначению.

Возникает естественный вопрос: не выражается ли в такой двойственности отношения к кочевым этносам сама двойственная евразийская сущность России, находящейся на перепутье между Востоком и Западом, причастной и к лесу, и к степи? И не является ли отношение к монгольскому народу – ключевому кочевому этносу – своеобразным оселком для нашего национального самосознания?

Справедливости ради отмечу, что отношение к монголам и трехсотлетнему татаро-монгольскому игу было в русской культурной традиции довольно отрицательным, правда, лишенным при этом какой-либо расовой ненависти. Наиболее точно такое отношение к монголам высказал, как всегда, А.С. Пушкин: «Это Россия, это ее необъятные пространства погло-

тили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена*». Отсюда потом вырастет и знаменитое блоковское: «Мы как послушные холопы держали щит меж двух враждебных рас – монголов и Европы»⁷. Заметим, однако, что поздний Пушкин в «Памятнике» относится к кочевым степным народам куда как более лояльно, и это знаменитое стихотворение можно – без преувеличения – считать настоящим катехизисом евразийского мировоззрения, где «Русь Великую» для Пушкина населяют уже не только славяне, но и угро-финские племена, и северные народности, типа якутов, и «друзья степей» кочевники-калмыки, образующие как раз западно-монгольский этнос. Увы, в большинстве случаев – не в пример А.С. Пушкину – отношение к монголам в последующей традиции было гораздо менее объективным. Даже такой тонкий мыслитель, как В.С. Соловьев, писал об опасности «индийско-монгольской азиатчины» («Три разгово-

* Пушкин А.С. Письмо к П.Я. Чаадаеву // Русская идея. М., 1992, С.50.

ра») в русской душе, а монголы, с его точки зрения, – «народ безвестный и чужой» (стихотворение «Панмонголизм»). Такой взгляд на монголов является сугубо европоцентристским, насквозь умственным и книжным. Так мог написать лишь человек, никогда лично не имевший дела с монголами. Посему простим поверхностное суждение великому русскому философу.

По счастью, в отечественной культуре были мыслители, подхватившие и продолжившие евразийскую линию позднего Пушкина. К ним можно отнести А.С. Хомякова и К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского и Д.Н. Менделеева, Л.И. Мечникова и В.И. Ламанского. Они стали непосредственными идейными предшественниками движения евразийцев, с принципиально новых позиций взглянувших и на Россию, и на так называемое «монголо-татарское иго» в русской истории, и на монгольский этнос как таковой.

Величайшей заслугой евразийцев – идейного течения, которое сформировалось в начале 20-х годов XX века в среде русской эмиграции и которое объединило в своих рядах блестящую плеяду русских ученых*, – является систематическое научное обоснование того факта, что Россия представляет собой срединный **евразий-**

* Лидерами и вдохновителями евразийства выступили крупнейшие ученые: лингвист и культуролог Н.С. Трубецкой (сын выдающегося русского философа и общественного деятеля, ректора Московского университета С.Н. Трубецкого), географ и экономист П.Н. Савицкий, историк Г.В. Вернадский (сын знаменитого В.И. Вернадского), правовед Н.Н. Алексеев, культуролог и теоретик музыки П.П. Сувчинский и целый ряд других видных деятелей русской науки и философии.

ский культурно-географический мир, лежащий на перепутье между Востоком и Западом, но обладающий глубокой самобытностью. Эта самобытность связана и с природно-климатическими особенностями евразийского пространства, и с его уникальным культурным ландшафтом. По мысли евразийцев, лесостепная Россия-Евразия (или Северная Евразия или Внутренняя Евразия в другой терминологии) представляет собой колыбель многих оседлых и кочевых племен, вступавших между собой в многообразные взаимоотношения.

С этих мировоззренческих позиций евразийцы подвергли радикальному переосмыслению и роль кочевых этносов в истории вообще, и в формировании российской государственности, доказав, в частности, какое большое положительное влияние оказали на нее монгольские традиции государственного управления, организации армии, таможенной службы и почтовой связи. «Монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства», – писал в работе «Начертания русской истории» выдающийся отечественный историк Г.В. Вернадский**. Ему вторил эконом-географ и геополитик П.Н. Савицкий: «...Своею ролью наказания Божьего татары осветили и очистили Русь, своим примером привили ей навык могущества – в этом противоположении явлен двойственный лик России. Россия – наследница Великих ханов, продолжательница дела

**Вернадский Г.В. Начертания русской истории\ Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992, С.106.

Чингиса и Тимура, объединительница Азии; Россия – часть особого, «окраинно-приморского мира», носительница углубленной культурной традиции... В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная стихия»».*

С этими историческими идеями евразийского движения была знакома знаменитая семья Рерихов и разделяла их. «Если вы припомните законы монгольских ханов, – писал Н.К. Рерих, делясь своими впечатлениями от многолетнего общения с монголами, – если вспомните героический эпос этого народа, то во всем отразится натура твердая, мужественная, нередко аскетичная, терпеливо переживающая случайности времен. Если вы видите эти заветы прошлого, которые не погибли в потоке современных ощущений, то разве не следует помочь такому народу, желающему мирного преуспевания»**. Старший сын Николая Константиновича, уже упоминавшийся крупнейший востоковед Ю.Н. Рерих, в течение многих лет вел переписку с Г.В. Вернадским и весьма высоко ценил его попытки написать историю России с евразийских методологических установок. А что касается его собственных взглядов на роль монгольских племен в становлении российской государственности, то следующие его слова почти буквально перекликаются с выводами Г.В. Вернадского: «Говоря о Монголии, мы всегда должны помнить, что современная Монголия – это прямой потомок ряда великих

народов и племен, пожертвовавших собою ради создания обширных империй, и что ее судьба – это путь Завоевателей»***.

В советский период своей жизни Ю.Н. Рерих, как известно, познакомился с Л.Н. Гумилевым. Двух последних великих евразийцев**** – помимо общности учителей и подходов к истории – объединяла искренняя любовь к истории и культуре монгольского народа, одного из ключевых этносов Евразии, игравшего и играющего в ее судьбе исключительно важную роль. Напомним, что одна из самых известных книг Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства» имеет своим эпиграфом следующие слова «Братскому монгольскому народу посвящаю».

Действительно, братское отношение к нам монгольского народа подтверждается историческими примерами. Именно Монголия была единственной страной в 1941 году, кто объявил Германии войну после ее вероломного нападения на СССР. Монголы всю войну бескорыстно помогали нам, чем только могли. На монгольских конях скакали легендарные воины генерала Доватора; многие русские пушки по дорогам войны тянули не знающие усталости выносливые монгольские лошадки. С фашистской Европой билась вся многонациональная Евразия, и монголы составляли, пусть и немногочисленный, но один из самых стойких ее батальонов. Не случайно, дружбу русских с монголами те

*** Рерих Ю.Н. Указ. Соч., С.315.

**** К ним еще можно отнести крупнейшего отечественного историка, литературоведа и критика В.В. Кожина, который внес немалый вклад в развитие и популяризацию евразийских идей.

* Савицкий П.Н. *Степь и оседлость//* *Континент Евразия.* М., 1997, С.334-335.

** Рерих Н.К. *Листы дневника.* Т.1. М., 1995, С.226.

же Ю.Н. Рерих и Л.Н. Гумилев считали необходимым условием геополитической стабильности и экономического процветания всего евразийского пространства. Это завещание великих евразийцев было начисто забыто в 90-ые годы прошлого века, и только в послед-

ние полтора десятка лет начинается восстановление традиционных культурно-экономических связей между Россией и Монголией. О Западной Монголии, граничащей с Россией в алтайском регионе, и пойдет наш дальнейший рассказ.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Великие степи Монголии соприкасаются своим северо-западным крылом с Сибирскими землями России в районе Алтайских гор. Сам Алтай служит как бы естественным порубежьем между юго-западной Сибирью и Центральной Азией. Российский Алтай, в основном лесной и пересеченный высокими хребтами, уже в районе Чуйской степи (Горный Алтай) начинает приобретать отчетливый горно-степной облик: пустынный, величественный и суровый. Западная Монголия – это в основном бескрайние каменистые высокогорные степи с миллиметрами плодородного гумусного слоя и вечными мерзлотами на глубине нескольких метров. Здесь бесснежные и морозные зимы, а весной возможны фантастические перепады суточных температур, достигающие порой до 30 градусов. Удивительно, как люди научились здесь выживать. Аналогом местных условий могут быть только северная тундра и Тибет. Но высокогорье, пожалуй, даже суровее тундры. Снега здесь почти нет, а сильнейшие ветра дуют круглый год, особенно в январе. Среднегодовая зимняя температура (-22 град); летняя (+15). Дождей крайне

мало (около 100 мм в год), которые выпадают в основном в начале лета. Снег накапливается лишь в долинах, если только выпадает, а к февралю-марту почти полностью испаряется под жгучими лучами горного солнца.

На перевалах снег лежит до самого лета. Там можно запросто попасть в лютый высокогорный буран в мае-июне и в сентябре-октябре. Удивительно, как с монгольских перевалов воспринимается пространство. Оно резко контрастирует с привычным городским замкнутым окомом и даже с сельским равнинным ландшафтом. Возникает ощущение, что здесь перед человеком нет никаких границ и пределов. Горный пейзаж беспределен, вечен и мудр, он распахнут на все четыре стороны и не противостоит человеку как нечто внешнее, чуждое и холодное. Совсем наоборот: это понятная и близкая беспредельность, куда ты вселен естественно и органично (не отсюда ли и мудрое русское слово «вселенная»?) и где видно, как вечное голубое Небо (по-монгольски Тенгри) соприкасается с вечной Землей. Здесь ты понимаешь, что уйдет в небытие вся современная

безумная техническая цивилизация со всеми ее атомными реакторами и компьютерами, могут даже кануть в Лету живущие ныне племена, но эти горы и ущелья как стояли – так и будут стоять до скончания времен.

Испокон веков в Западной Монголии существует и единственно приемлемый способ хозяйственной деятельности – отгонное пастбищное животноводство, когда в течение года скот кочует по вертикали гор, поднимаясь летом к зоне альпийских лугов, а зимой спускаясь в речные долины или откочевывая на высокогорные бесснежные плато, типа знаменитого плоскогорья Укок на границе четырех стран (Китай, Казахстана, России и Монголии). Заслуживает глубочайшего уважения этнос, который освоил эту тяжелейшую экологическую нишу, сохранив вплоть до последнего времени почти девственным природный ландшафт и почти нетронутыми залежи полезных ископаемых, а тем самым – и экологический (хозяйственно-производительный, рекреационный и стабилизирующий) потенциал монгольской биосферы.

Западная Монголия до сих пор славится популяциями барса, ула-ра, горного барана-аргали и горного козла-тэкэ. На ее великих озерах во время весенне-осенней миграции находят приют сотни видов перелетных птиц, а в водах живут реликтовые виды рыб, типа османа. Название же известной сибирской рыбы хариус отсылает к одноименному названию крупнейшего озера Западной Монголии – Хара Ус, что буквально переводится с монгольского как «черная вода».

Однако Западная Монголия – это не только уникальный растительный и животный мир высокогорных степей и пустынь, но и гигантские природные «легкие» всего Евразийского материка. Зимне-летние атмосферные потоки текут над ней в противоположных направлениях. Зимой они вливаются из промышленных районов Сибири в холодный монгольский регион, летом же, очищенные и преобразованные, выдвигаются обратно теплым столпом воздуха, стоящим над монгольскими степями.

Здесь живут люди с сильным и суровым характером. Но эта суровость – не есть ни бесчувственность, ни грубость. Душа монгола тонка и поэтична. Кочевники поют песни долгие и протяжные – в них музыка степного ветра, цокот конских копыт и озерный переплеск волн. Долгая песня и эпический стих сопровождают монгола при дальних кочевых переходах. Возможно, героический эпос есть по преимуществу творение кочевников, ведь и русский богатырский эпос связан со сторожевой охраной степных пространств. Изумительна по своей ладности и монгольская кочевая одежда, словно созданная для экранизации эпических кочевых сказаний: это яркий и теплый, но не душный халат (дэлэ); монгольская теплая островерхая шапка; традиционные сапоги с загнутыми вверх носами (гутулы), очень удобные для верховой езды и сидения на корточках.

Суровость климата, гигантские расстояния и редкая заселенность приводят к тому, что монгол превыше всего ценит своего коня (морь по-монгольски). От этого порой зависит его жизнь. Топот

и бег скакуна – в них скрыта для монгола-кочевника великая красота и гармония. Даже автомобиль не вытеснил полностью этого вечного друга и спутника номада. Легендарны выносливость и верность монгольского коня. На скачках во время наадама («три игры мужей») дети 7-9 лет скачут по 30 километров на неподкованных лошадях, без стремян и седел по каменистой степи. Европейская или арабская скаковая лошадь здесь сломали бы ногу на первом километре. Монгольский же конь не знает усталости. Ему посвящено огромное количество стихов и песен. Традиционный тип монгольской лошади сохранился в диких степях Западной Монголии практически неизменным. Белый конь в черных яблоках, которого часто можно встретить вольно пасущимся среди монгольского безлюдья, живо напомнит о боевых конях чингисхановских туменов, а лошадь белой масти – о знаменитом стаде белых кумысных кобылиц монгольского хана Хубилая. Здешняя лошадь прекрасно адаптирована к суровому горному климату, равно как овцы, коровы и яки. Они сами добывают себе зимой корм из-под снега, разрывая его копытами и безошибочно находят дорогу к дому, когда время близится к вечеру.

Скот нашей средней полосы

здесь пал бы к концу недели, если не раньше, при таком питании и холоде. Одно из потрясений всех, кто приезжает в Монголию, – как такая редкая и чахлая травка среди каменных россыпей может кормить одновременно столько скота? Одна из причин такой питательности – поразительная энергоемкость флоры высокогорья и наличие в ней большого количества микроэлементов. Сегодня учеными Алтайского государственного аграрного университета экспериментально доказан исключительный по своей полезности состав этого мяса. Здесь открываются хорошие перспективы для производства экологически чистого мясного животноводства. Именно этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что алтайский як в среднем на 10-15 см выше в холке, чем его центрально-азиатские сородичи, да и улар, горный баран (аргали) и козел (тэкэ) по размерам превосходят своих сородичей из других горных областей Центральной Азии. Тайна такого свойства Алтайских гор пока до конца не разгадана. Думается, что науке здесь суждено сделать еще немало удивительных открытий, хотя экологический и рекреационный потенциал алтайского высокогорья уже ценится во всем мире, а в будущем будет цениться еще выше.

СПЕЦИФИКА КОЧЕВОГО БЫТА И МИРОПОНИМАНИЯ

Необходимо сказать несколько слов об изумительной адаптивности и калорийности питания монгола. Здесь попросту невозможно вегетарианство, и, честно говоря, для побывавших в

Монголии как-то странно выглядят интеллигентские стенания о недопустимости убийства животных. Кочевник вегетарианцем не может быть по определению. Это означало бы если и не его голод-

ную смерть, то стопроцентное физическое истощение. Копченый над очагом сырчик (аргуул), пенка-масло из верблюжьего молока (урум), копченое мясо, заготавливаемое впрок осенью, лепешки-бурсаки, обжаренные в животном жире и способные храниться в долгих переходах, кумыс и чегень (молочное пиво) – без всего этого монгол попросту не смог бы выжить в экстремальных природных условиях существования. Свежего мяса семья практически не ест с ноября вплоть до июня-июля, ибо только к этому времени скот успевает нагулять жир после суровой зимы.

В целом монгол чужд всяких гастрономических излишеств. Он заготавливает и потребляет ровно столько пищи, сколько может съесть. Европейцы всегда говорили, что это – типичный аскетизм нищеты, от которого надо избавляться. Сегодня следует признать, что такому разумному аскетизму, похоже, просто нет альтернативы в условиях глобального кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации и неуклонного истощения природных ресурсов. Безудержное материальное потребление пришло в неразрешимое противоречие с возможностями биосферы его удовлетворить. **Или мир станет аскетичным, или его не будет вовсе – вот дилемма, стоящая сегодня перед человечеством, но, похоже, она оказалась давным-давно разрешенной «отсталым» монголом-кочевником.**

Многодетность и прочность монгольской семьи, живущей в экстремальных условиях, заслуживает особого разговора. Любовь

к детям соседствует здесь с суровостью воспитания. Дети помогают отцу и матери с детства, большое хозяйство предоставляет для этого все возможности. Глава семьи руководит сыновьями, мать командует невестками. Отделяется и обзаводится своей юртой чаще всего старший сын, а младшие живут с родителями долго, особенно у монгольских казахов. Основная работа по дому выполняется женой младшего сына. В семейных отношениях царят безоговорочное послушание старшим и взаимное уважение. Это как бы та естественная половозрастная иерархия, где невозможен конфликт поколений и резкий разрыв с традицией, хотя, конечно, и здесь в межчеловеческих отношениях случается всякое. На дальних кочевьях монголы любят сниматься семьями – потом такие снимки бережно прикрепляются в сакральном северном углу юрты. Это – элемент памяти рода, наглядное звено, скрепляющее цепь поколений и не дающее распасться на изолированные звенья ни роду, ни племени, ни целой стране. Уважение к старшим и к крепости человеческих личных уз – воистину та старая и добрая традиционная мудрость, которая во сто крат лучше глупой инновации.

Что особенно поражает в путешествиях по бескрайним западно-монгольским степям, так это извечная и искренняя готовность кочевника помочь товарищу в экстремальной ситуации. Здесь не бросят в беде, ссылаясь на занятость, и не возьмут деньги за оказанную помощь. Разве что выпьют по чарке за дружбу да стрельнут у русских сигаретку. Здесь еще

ценят верность и искренность. Много раз со стыдом слышали мы старую русскую поговорку из уст наших монгольских друзей, что «старый друг лучше новых двух». Сколько раз выручали нас совсем неизвестные люди, когда во время путешествий мы сбивались с пути, как вытаскивали они на своих лошадках наш УАЗик из забучих песков, как поили нас, уставших и озябших, традиционным монгольским чаем с молоком и маслом, живо интересуясь, когда все же русские поймут, что нет у них друзей более давних и верных, чем монголы.

Западные монголы-ойроты – народ древний, имперский. Они – прирожденные охотники и воины. Сама Западная Монголия – наглядное свидетельство этих великих древних переселений народов. Ее пространства помнят огромные полчища скифов, гуннов и тюрок. Ее донныне населяют многие тюркские и монгольские этносы (казахи, дербеты, захачины, торгоуты, урянхайцы, алтайцы, халхи), а также этносы, явно несущие в себе примесь арийской крови, типа мянгадов и олетов. Мир между племенами Ойротии не в последнюю очередь определяется именно этим ощущением единства исторических евразийских корней.

Особая тема – буддистские верования монголов. Буддизм гармонично вошел в их жизнь, срастившись с местными обычаями, культом духов горных ручьев, вершин и перевалов. Он усмирил и облагородил воинственный чингисовский дух монголов, приобщил его к сокровищницам индийской, тибетской и китайской

традиционных культур. Удивительно, насколько близкими друг другу по своим нравственным ориентирам оказываются буддизм и православие, несмотря на все догматические и культовые расхождения. А как поразительно схожи православная икона и буддийская танка – по цветовой гамме, по композиции, по жестам рук у изображенных на них святых! Нас еще ждут здесь выдающиеся открытия, свидетельствующие о близости подлинных духовных путей, которые чем выше – тем больше обнаруживают сходства между собой. Религиозная вражда и поношение – удел душ неглубоких и потому подвластных соблазну сектанства. Истинный же дух знает, что в «доме Отца обителей много», а собственную духовную правоту надо подтверждать прежде всего благими делами.

Поразительно, но в Монголии совсем не чувствуешь себя за границей, как, например, чувствуешь себя чужаком в сытой и внешне гостеприимной Европе. Трижды прав Ф.М. Достоевский – чем больше мы, русские, стремимся походить на европейцев, тем больше они не считают нас за своих, и более того – откровенно презирают. В Монголии же чувствуешь себя естественно и комфортно. Нет ощущения своего инородства и неуместности, словно окружающие исповедуют сходный с тобой стиль жизни и общность ценностного истолкования мира. Это, пожалуй, главное чувство в русской душе.

И разве искренние симпатии между народами не выше всяких коммерческих и политических выгод? И, напротив, разве чувство

дружбы и духовного родства не образуют подлинного фундамента в политических и торгово-экономических отношениях? И разве истинные друзья добиваются каких-либо материальных выгод и односторонних преимуществ? И разве именно такие – бескорыстные – отношения не являются безусловно высшими и самыми дорогими для человеческого сердца? И вообще: все ли можно оценить в деньгах, ведь наиболее ценные вещи в этом мире – вне отношений купли-продажи и никак не могут быть выражены в денежном эквиваленте. Это любовь и радость материнства, творческое вдохновение и чувство гордости за свое отечество, удовлетворение от качественно исполненной работы и наслаждение красотой природы.

Не учат ли нас русско-монгольские отношения тому, что любая попытка сыграть на понижение, заменить высшее низшим, вечное сиюминутным, бескорыстное прагматическим рано или поздно подорвет и само это низшее и опровергнет, казалось бы, самый беспроектный материальный расчет?

Понимая значение исконно дружеских связей между Россией и Монголией, вот что писал бийский купец Васенев, один из самых успешных и просвещенных русских купцов в Монголии начала XX века, о задачах российской политики в Алтайском регионе: «Крайне желательно открытие русско-монгольских школ в Монголии, организация там медицинско-ветеринарной помощи. Это, несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения. Русское пра-

вительство не должно относиться безучастно к событиям в Монголии. Чувствуется необходимость вмешательства в дела этой страны. Многолетнее существование многолетней торговли в Монголии дает нам право на такое вмешательство. Необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер. Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев»*. Какой широкий взгляд у, казалось бы, сугубо прагматически ориентированного человека!!! Это ли не эталон государственного мышления для современных чиновников и предпринимателей?

Сейчас становится все более понятным, что Монголия – ключевой евразийский регион. Его богатства не приоткрылись еще и наполовину. Она нужна нам сегодня отнюдь не меньше, чем мы ей в полном согласии с позицией Л.Н. Гумилева и Ю.Н. Рериха. Так, в свете кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации особое значение приобретают экологически чистые биосферные и рекреационные ресурсы, чем так богата Западная Монголия: вода, воздух, минеральные источники, продукция животноводства, рыба. Совершенно исключительные перспективы открываются также для научного, культурного, экологического и образовательного туризма, особенно в связи с перспективой придания последнему трансграничного характера. Становится понятным также потенциал генофонда гор-

* *Сибирский купец А.Д. Васенев. Документы и письма, ч.2. Барнаул, 1994, С. 18.*

ных растений и животных, адаптированный к суровым условиям существования. Он оказывается востребованным в связи с общим кризисом растениеводства, животноводства и сомнительными перспективами генетически модифицированных продуктов питания, не говоря уж о тупиковости клонирования живых организмов. Если где-то и будут успешно развиваться перспективные биотехнологии, то на ресурсной основе девственно чистых территорий, подобных монгольскому Алтаю, при тщательной выверке всех возможных отрицательных последствий и при обязательном условии сохранения в чистоте его элитного генофонда. Мировая «зеленая экономика» возможна только в том случае, если ее осевыми, особо ценными территориями являются такие ареалы, как Монголия.

Большие надежды на укрепление монголо-российского сотрудничества дают события последних пятнадцати лет, в частности, деятельность созданного в 2003 году Международного

Координационного Совета «Наш общий дом – Алтай». Отрадно, что сотрудничество государственных органов, научных учреждений и общественных организаций сопредельных территорий Большого Алтая основано на ясном понимании необходимости обеспечения общей экологической безопасности, сохранении и приумножении культурных богатств всех народов региона. Алтайское трансграничное сотрудничество – важный региональный фактор консолидации всего евразийского геополитического пространства и выработки принципов истинной и справедливой – **духовно-экологической глобализации**, идущей на смену ее тупиковому техногенно-потребительскому вектору*.

---

* Более подробно о предпосылках и закономерностях становления духовно-экологической цивилизации см. в работах: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010; Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014.